

МОСК. ПРАВДА - 1994 - 8 мая - с. 14

ИГОРЬ ГМЫЗА: ГОЛЛИВУДСКАЯ ИСТОРИЯ

В 1989 году Игоря Гмызу на ТВ не взяли. Зато Игорь смог набраться опыта на радио: сначала на Всесоюзном, потом – на радио России, где вел информационные программы.

Родители Игоря и брат с сестрой живут в Белоруссии. Семья простая, трудовая: папа – токарь, мама – телефонистка. Сейчас сын – их самая большая гордость, его видят все. О сегодняшних мечтах Игорь не говорит: "Нельзя вслух, а то улетучится".

Не любит гороскопов и предсказаний, но верит в судьбу: "Меня как будто кто-то ведет по жизни. Даже если кажется, что идешь не туда, сопротивляешься всеми силами, потом оказывается, что именно сюда тебе и было нужно".

Сейчас Игорь Гмыза ведущий программы "Время" на ОРТ.

– Как же вы все-таки попали в программу "Время"?

– Это история в стиле Голливуда, в которую никто не верит. А я не разубеждаю.

– Заинтриговали. Так что же произошло?

– Просто мне позвонил тогдашний заместитель директора ИТА Игорь Потоцкий и пригласил работать. Я согласился. Приход на ОРТ – своего рода дань амбициям. На радио у меня были крепкие позиции, но не оставляло ощущение, что потолок рядом – вот он.

– Так вы амбициозны?

– В общем, да. Сейчас пришло время нового поколения, которое думает иначе, иначе оценивает жизнь. Молодые, в меру злые, компетентные, профессиональные люди.

– Почему вы ушли из театра?

– Я окончил театральное училище им. Щепкина. Потом "загребел" в армию, в инженерные войска. А потом год просидел в одном из московских театров-студий. Но атмосфера в театре мне не нравилась: чем тратить время на внутритеатральные склоки и дражки, уж лучше заниматься конкретным делом.

– Неужели театральные дражки отличаются от телевизионных?

– Мало чем, согласен. Конфликты между творческими людьми везде схожи.

– Здесь вас тоже преследуют "разборки" или нет? Например, какие у вас отношения с Ариной Шараповой: вы конкуренты или партнеры?

– С Ариной нам нечего делить – мы работаем в одной программе, у нас общие интересы. А потом, мужчину и женщину в этом смысле нельзя сравнивать, у каждого свой зритель.

– Если бы вам предложили вернуться в театр, дали роль...

– Я бы не пошел. Мне кажется, что актерская профессия – профессия "женская": стремление нравиться, чтобы тебя хвалили, нравиться режиссеру, чтобы он давал роли. Мужчину актерство ставит в "полусогнутое" положение. Сейчас я к этому уже не готов. Степень прогиба спины должна иметь свои пределы. Хотя одно время мне снилось, что я стою под прожекторами, на сцене.

– Когда программа "Время" менялась, будущего мужчину-ведущего представляли, как некоего загадочного красавца – все ахнут. Я к тому, что вы наверняка нравитесь женщинам. Письма пишут?

– Ну, во-первых, возможно, это представляли не меня.

– Да... А кого?

– Не знаю, не знаю... А письма пишут. Некоторые даже собирались приезжать. Недавно звонила одна дама, к счастью, к телефону подошел не я, и сообщила, что уже едет: "Встречай, заказывай гостиницу". Но я однолюб. У меня хорошие тылы. Дома вообще должно быть все в порядке. Возвращаясь домой, там меня ждут жена, сын, собака.

– Идиллия...

– В общем, да. Мы женаты уже семь лет, познакомились в институте, а полгода назад родился сын, говорят – моя копия.

– А про собаку забыли рассказать.

– Собака появилась даже раньше, чем семья. Кокер-спаниель.

– Сына воспитываете?

– Я родитель-жандарм. Как принесли сына из роддома, так начали закаливание. Купаем в холодной воде, спит по 6 часов на балконе, дома в одном памперсе при открытой форточке. И при этом хорошо себя чувствует.

– Да, про жандарма – это вы, извините, правы.

– А вы думаете это легко? Конечно, гораздо проще купить ребенку новую игрушку и считать, что ты участвуешь в его воспитании.

– Чувствуется теоретическая база.

– Недаром я два года вел программу "Детский час". И вообще, руки у меня растут откуда надо. Могу ремонт сделать, посуду помыть – не считаю зазорным. К сыну вставал ночью и кормил его из бутылочки. Жена довольна, как мне кажется.

– А готовить умеете?

– С этим сложнее, хотя, если очень потребуется, то с голоду не умру. Впрочем, второй раз одно и то же блюдо воспроизвести не смогу. Больше люблю, когда жена готовит, особенно лимонный торт.

– Похоже, что вы наконец-то встретила идеального мужчину. У вас есть плохие черты характера, которые вам мешают в жизни?

– Я некоммуникабельный, с трудом иду на контакт. У меня не так много друзей. В основном еще с института. С ними проще общаться, они знали меня еще до того, как я стал телеведущим. К новым друзьям подхожу очень осторожно: есть опасность, что люди просто хотят иметь тебя в списке своих друзей, потому что ты – ведущий программы "Время", и этим при случае можно козырнуть.

– А как же "звездные" тусовки?

– Я не тусовочный человек. Иной раз складывается впечатление, что сейчас телевидение делает узкий круг людей для такого же узкого круга. Одни и те же лица. Они восхищаются друг другом, вручают друг другу призы, премии, отмечают праздники, выпивают – у них все хорошо, но они делают ТВ для себя.

– Как же вы тогда расслабляетесь, ведь прямой эфир, тем более новости – это всегда стресс?

– Я не пью, если вы это имеете в виду, отчасти потому, что все время за рулем. У меня старенькая "девятка" – ей уже пошел девятый год, но я привык к вещам и трудно с ними расстаться. Вроде бы по статусу уже положено что-то другое, но пока не могу.

В свои рабочие дни очень много курю – до полутора пачек за десять часов. Если программа получается, это снимает часть стресса.

– Как определить – удалась программа или нет?

– Это ощущение трудно объяснить. Оно очень субъективно и зачастую не совпадает со взглядом со стороны.

– Можно с уверенностью сказать, что успех программы зависит и от того, как выглядит ее ведущий. Кто решает, как вам одеться на эфир?

– Я сам и моя супруга. Если уж совсем что-нибудь несочетанное, то можно получить выговор от главного редактора. Белая студия очень коварная, и к ней пришлось долго подбирать одежду – она меняет цвета. Я, например, в темно-синем пиджаке и соответствующем галстуке, и вдруг на экране оказывается, что костюм стал зеленым, а галстук цвета не поменялся.

– Это, как я понимаю, спецдежда. А какой стиль предпочитаете в жизни?

– Джинсы, куртка, свитер. Есть у меня несколько любимых фирм. А каких – не скажу. Чтобы не делать им бесплатную рекламу.

– Быстро привыкли к гриму?

– Это часть профессии. Хотя, конечно, трудно целый день сидеть в гриме. Есть золотое правило: не трогать лицо руками.

– А жена вас в гриме видела?

– Видела и в обморок не упала. Она же тоже в прошлом актриса.

– А сейчас чем занимаетесь?

– Сейчас ребенка растит. Из театра ушла, когда актерам зарплату платить перестали. Занялась рекламой. Сначала на радио "Европа+", потом в крупной нефтяной компании. Но она человек инициативный. Даже слишком. А инициатива у нас пока наказуема. Но, я думаю, она еще найдет себя.

– Вашему успеху не завидует?

– Я думаю, нет. Она – мой самый жесткий критик, все замечает.

– Вы сами себе на экране нравитесь, не бывает за себя неловко?

– Как вы это себе представляете? Сажу, смотрю ТВ и балдею от своей персоны? Нет. Хотя сначала все передачи записывал, но не для самолюбования, а для работы, чтобы оценить критически. Стараюсь, чтобы не было стыдно, всегда учусь.

– У кого? Есть эталоны, кумиры?

– Честно говоря, нет. Ведущий должен быть индивидуален, в этом его сила, но, порой, и ошибка. Складывается определенный образ. К нему привыкают, доверяют ему. Имидж надо хранить, оберегать. Он складывается годами, а разрушается в пять минут.

– По-вашему, новости – это все-таки творчество или "потогонка"?

– Хороший вопрос. Это "фабрика новостей". Но здесь сочетаются драматургия и конвейер. Механизм должен работать отлаженно, детали поступать своевременно, а если удариться только в творчество, то программа в эфир не выйдет. Но люди у нас работают только творческие. Как говорят, ТВ – это добровольная каторга.

– И вы ею довольны?

– Пока да...

Элионора КЕЛЛЕР.
Фото Е.ЛУЧИНА.